

РАЗДЕЛ V. МАТЕРИАЛЫ К БАЗЕ ДАННЫХ «РЕВОЛЮЦИИ И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ЭПИЗОДЫ XXI ВЕКА»

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ XXI ВЕКА И ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ*. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОЯСНЕНИЯ

Леонид Ефимович Гринин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт востоковедения РАН

Андрей Витальевич Коротаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт Африки РАН

В заключительном разделе Мониторинга мы продолжаем публикацию материалов к базе данных «Революции и революционные эпизоды XXI века». В настоящей вводной статье к этому разделу предпринимается попытка уточнить некоторые положения теории революции с учетом революционных событий, произошедших в этом веке, а на основании этого – усовершенствовать применяемую при создании нашей базы данных систему дефиниций.

В настоящем выпуске Мониторинга есть несколько статей, посвященных теории революции, а также материалы, обобщающие некоторые аспекты революционного процесса XXI столетия (Гринин 2021; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021; Устюжанин и др. 2021; Коротаев, Лиокумович, Хохлова 2021), что избавляет нас от необходимости делать разъяснения по целому ряду вопросов теории революции (см. также наши пояснения в прошлогоднем выпуске Мониторинга [Гринин, Коротаев 2020]). Однако круг нерешенных проблем этой теории весьма велик, а многие случаи, описанные в настоящем разделе, являются столь сложными, что без теории, в том числе и без повторения ряда положений, о которых мы говорили

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

в прошлом выпуске Мониторинга (Гринин, Коротаев 2020) и в статьях ежегодника (см., например: Гринин 2021; Устюжанин и др. 2021), никак не обойтись.

В статье (Устюжанин и др. 2021) мы выделили с начала XXI в. по конец 2021 г. 176 революционных событий разного типа. Однако дополнительные углубленные исследования, несомненно, увеличат это число. Исследования, помещенные в данном разделе, уже расширили этот список на несколько пунктов (события в Боливии 2020 г.; военная революция на Фиджи 2006 г.). Кроме того, революционные события постоянно продолжаются. В момент, когда пишутся эти строки, революционные события охватили Казахстан. Сказанное хорошо иллюстрирует научный поиск – новые исследования могут послужить основанием для изменения или уточнения прежних выводов.

Так, события на Фиджи 2000 г. (Кайгородова 2021*б*), известные как «антииндуистская» революция (начавшиеся с военного переворота и затем приведшие к законодательному закреплению у власти коренных фиджийцев-меланезийцев и запретам занимать должности переселенцам из Азии, индо-фиджийцам), в статье (Устюжанин и др. 2021: 131) обозначены как революционный эпизод, но это сложное событие (в плане классификации его революционного типа) скорее следует отнести к аналогам революции (см.: Кайгородова 2021*б*). В процессе работы мы уточнили определение аналога революции, поскольку выделили два типа аналогов.

Аналогом революции обозначается революционное событие, характеризующееся особыми путями смещения правительства, что может быть достигнуто либо (1) путем государственного переворота¹, либо (2) путем выборов, но в обоих случаях предполагающих революционную массовую мобилизацию до или после свержения правительства. Однако в первом случае революционная массовая мобилизация происходит после свержения старой власти (в процессе общественно-политических преобразований), а во втором случае она наблюдается преимущественно на более ранней фазе (предшествующей свержению власти) и имеет в целом легальный характер².

¹ Это может быть военный или дворцовый переворот, заговор или, например, импичмент президента (см., например: Костин 2020*б*).

² Примером может служить нацистский аналог революции после 1933 г. с приходом А. Гитлера к власти путем выборов с предшествующей и последующей массовой мобилизацией.

Сущностно общим для революций и аналогов революций являются значимые изменения в политических и социальных структурах во имя социальной справедливости, которые следуют за смещением старой власти.

Таким образом, и революции, и их аналоги являются революционными событиями, результатом которых становятся смена политического режима и глубокие преобразования в политико-социальной структуре. Различия заключаются в двух важных моментах: 1) способ смены правительства; 2) роль мобилизации масс в процессе смены власти (о мобилизации масс как важной составляющей революции см.: Голдстоун 2006; 2015; Тилли 2019; Tilly 1996).

Как можно видеть, анализируемые ниже в данном разделе Мониторинга события на Фиджи (Кайгородова 2021б) относятся к первому типу аналога революции. Однако в данном разделе описан и аналог революции второго типа: это события на Мальдивах 2008 г. (Кайгородова 2021а), когда в ходе готовившейся цветной революции удалось так активно мобилизовать массы (в рамках легального поля), что оппозиция победила без насильственного свержения власти.

Дополнительно отметим, что аналог революции 2000 г. на Фиджи надо отнести к весьма редкому (тем более для XXI столетия) этносоциальному типу, когда социальное деление и баланс прав и обязанностей определяются по этнической принадлежности. Такого рода революции имели место в странах Балтии в 1991 г. при распаде СССР, когда законодательно были ограничены в правах русскоязычные жители Эстонии и Латвии. В случае Фиджи имело место еще и различие по религиозному признаку (фиджийцы христиане, а индо-фиджийцы – индуисты и мусульмане), но это не было существенным в обсуждаемых событиях. Однако в других случаях это является весьма важным (как это было, например, в период революционных событий в Северной Ирландии в 1969–1998 гг.) до сих пор. В материале о Кашмире (Галлямова 2021) можно увидеть, как с момента разделения Британской Индии на Индию и Пакистан различия в религии (основная часть индийского населения – индуисты, а 97 % жителей Кашмира – мусульмане) являются посто-

янным источником конфликтов и революционных событий в провинции³.

В материале о квазиреволюционном эпизоде в 2020–2021 гг. в Непале (Степанищева 2021) также содержатся упоминания о требованиях групп индуистов сделать Непал чисто индуистской страной, хотя там существуют значительные группы буддистов и мусульман, то есть фактически ограничить в правах неиндуистское меньшинство (как, кстати, пытается сделать и правительство Индии, что явилось важнейшим поводом для упомянутых революционных событий в Кашмире)⁴.

В прошлогоднем выпуске Мониторинга авторы описывали революционные события без привязки к тому, относятся они к революционным волнам или нет. Это объяснялось как тем, что это был первый опыт такого анализа, так и тем, что теория волн XXI столетия нами к этому времени еще не была выработана (см. о ней: Goldstone *et al.* 2022; Гринин 2021; Устюжанин и др. 2021). Кратко повторим наши выводы.

Нами было выделено три волны для XXI столетия (о волнах XX в. см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021 в настоящем выпуске Мониторинга). Первая волна: цветные революции 2000–2009 гг. Вторая волна: Арабская весна и ее глобальное эхо, 2010/2011–2013 гг. Третья волна: 2018 г. – настоящее время – незавершенная. Все волны в своем происхождении были связаны с очень важными мир-системными событиями. При этом первая волна прошла на позитив-

³ В настоящем выпуске есть несколько статей (Коротаев, Бобарыкина, Хохлова 2021; Коротаев, Лиокумович, Хохлова 2021; Коротаев, Зинькина и др. 2021), в которых показано, как инспирированный проникновением радикалов раскол внутри исламской уммы на радикальную и традиционную исламскую ведет к росту революционно-террористических выступлений. Это объясняется тем, что радикалы требуют возврата к средневековому толкованию Корана, включая и обязательную войну с неверными (см. также: Гринин, Коротаев 2019; Гринин 2020).

⁴ Попутно приводим определение квазиреволюционного эпизода. Это революционное событие, которое характеризуется тем, что есть массовая мобилизация, но нет требований свержения правительства или для целей свержения правительства и захвата власти не прилагается достаточных усилий (нет свидетельств, что имели место серьезные попытки свергнуть правительство и захватить власть). Мы уже описывали суть этого события (Гринин, Коротаев 2020: 857), но здесь определение сделано более удобным.

ном экономическом и политическом фоне, вторая – на негативном экономическом, а третья – на негативном экономическом и внешнеполитическом фоне. Все три волны были связаны с более или менее сильным внешним влиянием. Но в этом влиянии можно выделить три основных направления. Первое – попытки демократизации через различные структуры, контролируемые западными странами. Это было особенно заметно в первую волну, но прослеживается также во второй и третьей. Второе – геополитическая борьба, в которой участвовали как западные, так и ближневосточные страны (страны – объекты воздействия: Ливия, Сирия, Йемен, Мали). Это проявилось в основном во время второй волны. Третье – экспорт исламистско-террористической революции из регионов Сирии и Ирака (в страны Тропической Африки, в ряд стран Ближнего и Среднего Востока, таких как Афганистан, Ливия, а также Юго-Восточной Азии). Это происходило во время второй волны и продолжается в третьей.

Между второй и третьей волнами в течение пяти лет (2013–2017 гг.) также наблюдается достаточная революционная активность в мире, но без явных волн. Однако сразу же стоит отметить, что в зоне Сахеля и некоторых странах Ближнего Востока в это время продолжалась еще вторая волна. И возникла линия исламистских революций и восстаний 2013–2016 гг. (ИГИЛ⁵, «Боко Харам»⁵ в Нигерии, восстание радикальных исламистов АКАП в Йемене и т. д. [см., например: Korotayev, Shishkina *et al.* 2022; Filin *et al.* 2022; Гринин 2020б; 2020в]).

Остановимся на указанных волнах революций. Первая волна начинается в последний год XX в., 2000-й, с революции 2000–2001 гг. на Филиппинах и «бульдозерной революции» в Сербии/Югославии. Волна включает в себя революции и революционные события в Грузии, на Мальдивах и Украине, в Ливане, Киргизии, Мьянме, Иране, Молдове. Реже к ним добавляют события в Африке, но для нашей темы важно учитывать революционные события в Африке к югу от Сахары в 2000-х гг.; в частности, это Сенегал (2000 г.), Мадагаскар (2001–2002 гг.), Того (2005 г.), Гвинея (2007–2010 гг.) и т. д.

⁵ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории РФ.

Вторая волна: Арабская весна и ее эхо, 2010/2011–2013 гг. В отличие от предыдущей волны, в конце 2000-х гг. мировая экономика находилась в кризисе; при этом имел место небывалый рост цен на продовольствие (агфляция), сыгравший особую роль в качестве триггера революционных событий на Ближнем Востоке. Для нашей темы особенно важно, что центр революционной активности находился в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, но при этом революционная волна охватила многие страны за пределами этого региона. Помимо революций на Ближнем Востоке и в Северной Африке волна включала ряд революционных событий в других частях мира, в том числе революционные движения без революций в передовых западных странах (Occupy Wall Street, Indignados и т. д.).

Основными чертами этой волны были: 1) быстрое распространение революций из страны в страну; 2) сильное культурное и языковое единство центрального региона волны и особая роль религиозно-этноконфессионального фактора; 3) особая роль образованной молодежи.

Третья волна (2018 г. – н. в.) включает революции, революционные эпизоды и революционные движения без революций в Армении (2018 и 2020 гг.), Судане (2018–2019 гг.), Боливии (2019 и 2020 гг.), Алжире (2019 г.), Гонконге (2019–2020 г.), Чили (2019 г.), Киргизии (2020 г.), Ираке (2019 г.), Ливане (2019 г.), Иране (2019 г.), США (штурм Капитолия в 2021 г.), Франции («Желтые жилеты», 2018–2020 гг.), Беларуси (2020–2021 гг.), Боливии (2020 г.); Мьянме (2021 г.), Сомали (2020–2021 гг.), Эфиопии (2020–2021 гг., в Тыграе), США (2021 г.), Мали (2020–2021 гг.), Гаити (2021 г.), Колумбии (2021 г.), Палестине (2021 г.), Чаде (2021 г.).

На мир-системном уровне данная волна была связана с новым ухудшением ситуации в мировой экономике наряду с большей концентрацией богатства и большим неравенством, что во многих случаях приводило к снижению уровня жизни, росту цен и другим явлениям, которые объединяют эту волну с предыдущей. В 2020 г. добавляется COVID-19, что значительно ухудшает экономическую и социальную ситуацию (в частности, пандемия сыграла свою роль в революции в Киргизии и Мали (Коротаев, Лиокумович, Хохлова 2021), а также в событиях в Боливии [Павлова 2021] и Непале

[Степанищева 2021]; роль ковида в событиях последних двух стран хорошо проанализирована авторами настоящего раздела).

Теперь имеет смысл дать пояснения к понятию волн революции.

Волна революций – это совокупность нескольких революций в разных странах, произошедших в сравнительно короткий срок (максимум в 10 лет) и имеющих общие причины. По нашему мнению, только мощные мир-системные события или изменения, которые, конечно, имеют и культурно-идеологический аспект, способны стать источником революционных волн. Такими событиями могут быть мировая война, масштабный экономический кризис, затронувший много стран, мощная победоносная революция, развал/ослабление крупной империи или центра коалиции или что-нибудь подобное. При этом то или иное мир-системное событие (например, мировая война) вместе с революциями несет и множество других перемен, поэтому революционная волна является только частью общего процесса изменений.

Мы предлагаем выделять революционные волны по следующим критериям, таким как: 1) реальная связанность событий в рамках Мир-Системы общей причиной, взаимным влиянием и т. п.; 2) количество революций не должно быть слишком малым (минимум четыре-пять революций, если это революции в достаточно крупных странах, больше – если в разных по значимости⁶); при этом нельзя рассматривать революционную волну, если это события только в рамках одного государства, как это делает, например, Колин Бек (Beck 2011) для событий на Балканах в 1870-х гг.; 3) ограниченный временной интервал революционных событий, не более 10 лет между началом первого и началом последнего события; 4) в один период может быть одна волна (а не три или четыре, как получается у Дж. Голдстоуна [2006]).

Рассмотрим вопрос о временных рамках. Иногда между такими событиями практически нет временного интервала. Их синхронность бывает удивительной: например, революции 1848–1849 гг. в Европе или антисоциалистические революции в 1989 г. Иногда

⁶ Между тем К. Бек полагает, что для определения волны нужно как минимум две революции, что явно мало (Beck 2011: 195).

временной лаг больше (как в волне 1905–1911 гг.). Но, по нашему мнению, длительность волны от начала первой революции в волне до начала последней не может быть больше 10 лет, иначе это уже будет не волна, а цепочка революций.

Стоит указать на такую особенность, которая весьма существенна при анализе волн. Когда революции случаются в крупных и/или многоэтнических обществах имперского типа (каковыми были царская Россия или Австро-Венгрия) или с государственно-автономным делением по национальному признаку (как в СССР или Югославии), то революция в них (или их резкое ослабление, коллапс) вызывает своего рода местную волну революций в национальных автономиях или на территориях, которые стоило бы выделять как кустовые революции. Многие из таких революций учтены нами в отношении России в 1917–1921 гг.; Австро-Венгрии в 1918–1919 гг., СССР (1991–1992 гг.) и Югославии (1989–1992 гг.). Очевидно, что кустовые революции XX в. являлись составной частью соответствующих волн (см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2020: Рис. 7)⁷.

Перед авторами материалов данного раздела была поставлена задача связать описываемые ими события с той или иной (из трех) волн и соответственно показать преломление общих черт выбранной волны в описываемом событии (например, в Белоруссии [Клочкова 2021]) либо пояснить, что событие не включается ни в одну из волн (например, уже упомянутые Фиджи [Кайгородова 2021б] или Македония [Костин 2021]).

Перед авторами, помимо той схемы, которую мы представили в прошлом году и несколько обновили, были поставлены дополнительные задачи, а именно: определять, происходило анализируемое событие в рамках революционной/смутной эпохи (см. ниже) или нет.

Революционные эпохи. В рамках анализа событий мы также выделяем такое понятие, как *революционная эпоха*. Это эпоха, которая открывается революцией или аналогом революции (обычно крупного масштаба). Это длительная полоса перемен, в которой происходят революции, революционные изменения, контрреволюции, различные революционные эпизоды, связанные с борьбой раз-

⁷ Подробнее о волнах революций см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2020; 2021; Goldstone *et al.* 2022; Grinin 2022; Grinin L., Grinin A. 2022.

личных политических и социальных сил за политический/социальный курс, власть и прочее. Революционная эпоха, некоторые ее характеристики описаны в: Grinin L., Grinin A. 2022 (о Венесуэле см.: Костин 2020a). В связи с понятием *революционная эпоха* важно также иметь в виду, что революционные события, которые происходят в течение революционной эпохи, нужно характеризовать как *связанные*, а революционные события, случившиеся в другие периоды, – как *самостоятельные*.

Революционная эпоха может быть периодом достаточно частых социальных и политических боев, перемежаясь заговорами, контрреволюциями, массовыми акциями и т. п. Но это может быть и эпоха, которая открывается и закрывается революцией (революциями). При этом после революции, открывшей революционную эпоху, может не быть ожесточенных социально-политических открытых конфликтов, но (а) должны быть заметные перемены и трансформации; (б) новая революция должна быть явственно связана с первой. Возможно, таким примером является революционная эпоха в Боливии, где после революции 2003 г. и прихода к власти Эво Моралеса произошли заметные перемены в области расширения прав коренных народов (кечуа и аймара), а также социальных и политических реформ. А революция 2019 г. свергла президента Моралеса и привела к власти правые силы (временным президентом была назначена Жанин Аньес). Но в 2020 г. в стране возникла мощная протестная волна, которая в итоге вновь привела к власти силы, связанные с Эво Моралесом. Президентом стал Луис Арсе, бывший министр экономики и сторонник Моралеса. Жанин Аньес была задержана по обвинению в организации военного переворота 2019 г. против Моралеса и заключена в тюрьму, где пыталась покончить жизнь самоубийством (подробнее см.: Павлова 2021).

По результатам события 2020 г. в Боливии скорее соответствуют понятию «революция». Но поскольку они были ответом на революцию 2019 г. и теснейше с ней связаны, то назвать ее так нельзя: обычно одна революция не следует сразу за другой, такие перевороты в рамках революции называются ее стадиями. Назвать это контрреволюцией также сложно, как и революционным эпизодом (поскольку эпизод привел к свержению правительства, а это уже революция), хотя и вполне допустимо с учетом, что это происходит в процессе революционной эпохи. Более точным было бы сказать,

что 2020 г. – это новая стадия боливийской революции, начатой в 2019 г., а революционная эпоха в Боливии, похоже, продолжается.

Общеизвестно, что в разных странах процесс коренных изменений часто (или даже как правило) не заканчивается одной революцией, тем более если последняя терпит поражение. Революции сменяются мирными периодами, которые по факту часто бывают временем контрреволюций и диктатур. Но поскольку проблемы, вызвавшие революцию, не удается решить полностью, по прошествии определенного времени возникает новая революция (а иногда две или даже три). В такой ситуации можно говорить о революционной эпохе. Но для определения революционной эпохи, на наш взгляд, все же имеет смысл исходить из того, что революции этой эпохи логически и идеологически связаны между собой. В этом случае каждая следующая революция являет собой новую попытку решить не улаженные предыдущими революциями проблемы и противоречия (именно так были связаны революции 1905 и 1917 г. в России), либо следующая революция органично вытекает из логики предыдущей (как было с китайскими революциями 1911, 1925–1927 и 1946–1949 гг.). Такую связь, однако, не всегда легко установить. Так, тесной связи между младотурецкой 1908 г. и кемалистской (1918–1923 гг.) революциями с первого взгляда не видно. Тем не менее обе имели общее идеологическое ядро и общие задачи: необходимость модернизации и усиления страны.

О революционных эпохах в отношении революций Нового времени можно говорить с начала XVI в., то есть начиная с эпохи Реформации в Германии, Швейцарии, Франции и других странах, Нидерландской революции. Период с 1640 по 1688 г. показывает революционную эпоху в истории Англии. В XIX в. Франция и Испания представляли собой страны с длительным периодом революционных преобразований.

Второй (или последующей) в революционную эпоху может быть не классическая революция, а иные события, которые вполне вписываются в начавшийся период насильственных трансформаций, но имеют несколько иные формы или природу. В этом случае можно говорить о *революционно-трансформационных эпохах*. Так, например, после первой фазы революционной эпохи в 1918–

1923 г. в Германии (во время которой имело место много революционных событий в разных частях страны) наступил период стабилизации. Однако с 1930 г. ситуация ухудшилась и обострилась в связи с разразившимся кризисом, неудовлетворенностью Версальским миром и внутренними конфронтациями между правыми и левыми, а также и другими силами. Как известно, в 1933 г. к власти пришла нацистская партия (НСДАП) во главе с А. Гитлером. В итоге началась нацистская революция. Но поскольку нацисты пришли к власти в результате демократических выборов, а политический строй был изменен уже в процессе правления Гитлера и внешне демократическим путем, уместно говорить об аналоге революции. А так как итогом нацизма стали проигранная война и оккупация Германии, то революционная эпоха в некотором роде продолжалась, поскольку оккупационные власти провели глубокие (по сути, революционные) изменения на оккупированных территориях Германии (соответственно, разные в западной и советской зонах оккупации). В этом плане – если рассматривать более широкий контекст – революционная эпоха в Германии закончилась только в 1949 г., когда были созданы немецкие государства. В некоторых случаях процесс коренных трансформаций в обществе совершается комбинированно: путем революций снизу и изменений сверху, равнозначных по значимости революциям. Именно так были созданы единые государства в Германии и Италии в XIX в.

В связи со сказанным важно отметить удлинение революционных эпох в XX столетии. Дело в том, что сдвиг революций из центра Мир-Системы к ее полупериферии и периферии существенно изменял и характер революционных эпох. Разницу в характере протекания революций в обществах, более и менее близких к ядру Мир-Системы, можно заметить уже и в XIX в. Так, революционная эпоха во Франции представляла несколько революций (с 1830 по 1871 г.), разделенных устойчивыми эпохами, при этом последняя революция уже не только легко победила, но и оказалась в состоянии удержать революционные завоевания. Революционная эпоха в менее близкой к центру Мир-Системы Испании (с 1808 по 1874 г.) была в этом смысле менее удачной, так как не решила ряд важнейших проблем (что и стало причиной революции 1931–1939 гг.).

Еще менее удачными были революционные эпохи в периферийной Латинской Америке, где они перемежались постоянными военными переворотами, диктатурами и войнами. В связи с увеличением их продолжительности революционные эпохи в странах революций XX в. стали периодом колоссальных и очень тяжелых перемен, при этом цена революций все существеннее превышала их реальный результат в отношении прогресса. Кроме того, в XX в. к революционным эпохам добавился в целом ряде случаев, особенно в связи с социалистическими революциями, период послереволюционной ломки, и эти периоды могли длиться десятилетиями.

В работах настоящего выпуска Мониторинга целый ряд событий развивался в рамках революционной эпохи: в Грузии (Гусейнов 2021)⁸, Боливии, на Мальдивах, Фиджи, в Непале, сложнее сказать о Кашмире, но там также явно определенная сложная эпоха, причем очень длительная. Хорошо описаны революционные события в составе революционной эпохи на Фиджи, Мальдивах, в Непале в материалах настоящего раздела. В прошлом Мониторинге были описаны события в рамках такой эпохи в Венесуэле (Костин 2020а; см. также в этом материале наши комментарии).

Исключительно важно осознавать, что понять революционное событие, происходящее в рамках революционной эпохи, можно, только поняв логику и ход этой эпохи, где отдельные события являются ее составными частями. Отдельные (вне эпохи) революционные события определить легче, чем в рамках эпохи.

Относительно Кашмира (см.: Галлямова 2021) мы считаем, что там сложно говорить о революционной эпохе (поскольку эпоха должна открыться революцией, а таковой в Джамму и Кашмире не было). Ситуация в Кашмире – это, вероятно, пример того, что можно назвать непрерывной общей революционной ситуацией, которая в случае обострения перерастает в непосредственную революционную ситуацию. Что можно назвать революционной ситуацией? В теории здесь далеко не все просто, но для облегчения восприятия мы приводим собственную схему, показывающую определенный

⁸ Р. И. Гусейнов также предполагает начало революционной ситуации в Армении, но поскольку революция, которая могла бы ее открыть, совершилась только в 2018 г., пока сложно сказать, действительно ли в стране началась революционная эпоха.

путь от роста недовольства и проблем к революции. Если вы посмотрите на схему, то увидите, что путь до революции не такой быстрый. Сначала под влиянием различных указанных противоречий и факторов (см. схему на Рис. 1) должна сложиться общая революционная ситуация, в результате которой наблюдаются устойчивый раскол в обществе и стремления одной его части изменить ситуацию в свою пользу тем или иным путем, причем необязательно легитимным.

Такая ситуация может существовать довольно долго, то обостряясь, то успокаиваясь. Но в какой-то момент ухудшение обстановки ведет к возникновению предкризисной ситуации, в процессе которой то или иное событие может запустить лавину (триггерное событие), и тогда возникает непосредственная революционная ситуация, от которой путь к революции уже, несомненно, ближе (см.: Гринин 2020a: 41; Grinin 2022).

Одними из условий для возникновения непосредственной революционной ситуации являются: 1) непримиримые противоречия в отношении культуры, религии, языка, отсутствия прав и т. п. между центром и провинцией – это как раз случай Кашмира, где усиление давления центра вызывает всплеск протестов; 2) негибкость (неуступчивость) поведения правящей элиты как фактор, в итоге ведущий к революционной дестабилизации; 3) характеристика режима – он должен терять авторитет и быть недостаточно репрессивным, бояться репрессий. А у протестующих такое поведение власти, напротив, вызывает чувство победителей, ощущение вседозволенности, отсутствие страха. В результате – революционное движение может резко усилиться. И эта черта в последних протестах проявилась очень ярко. Республиканцы боятся репрессий и жесткого подавления бунтов (а там, где такие попытки предпринимаются, они оказываются неэффективными). Демократы же и во все явно выступают против этого. «Понять, простить и каяться» – вот их слоган.

Для формирования непосредственной революционной ситуации, то есть накопления горячего материала в обществе в большом количестве, нужно, чтобы «из искры возгорелось пламя». Иными словами, требуется эта самая «искра», триггер, то есть повод, причина, случай, который зажигает недовольство. При накоплении

недовольства неудивительно, что им может стать почти любое событие. Но тем не менее такой триггер не всегда появляется в нужное время и в нужном месте. Вот почему революционеры нередко прибегают к провокациям, чтобы создать повод для протестов.

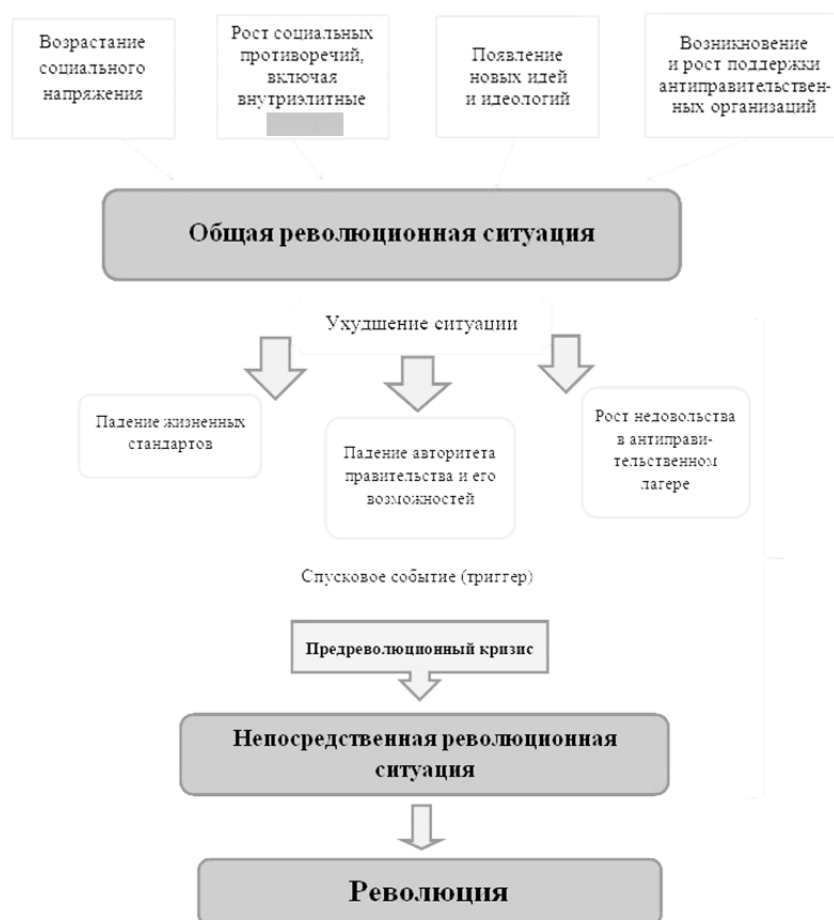

Рис. 1. Общая революционная ситуация (Гринин 2020а).

Эпохи смут и революций. Однако за революцией может наступить не новый (или вернуться прежний) порядок, а период, когда в стране надолго теряется централизация: значение центральной

власти, если таковая есть, резко падает либо страна вовсе распадается на ряд территорий, государств или политий, ни одна из которых не имеет силы, чтобы стать победительницей и объединить страну. Наступает период власти сильного, военной и политической анархии, времени, когда, говоря словами Мао Цзэдуна, только «винтовка рождает власть». При этом революционная риторика может существенно ослабевать, заменяясь риторикой сильного.

Значительное ослабление центральной власти, наряду с усилением иностранного вмешательства (особенно активизировавшегося во время Первой мировой войны и Гражданской войны в России), имело место, например, в Персии после 1911 г. Но страна все же не распалась. И полоса децентрализации и анархии завершилась в 925 г., когда Реза-хан был объявлен наследным шахом Ирана под именем Реза-шаха Пехлеви. Зато Китай после революции 1911–1913 гг., неудачной попытки Юань Шикая провозгласить себя императором и его смерти в 1916 г. распался на ряд территорий. Наступило, если использовать русский исторический термин, Смутное время. Оно было прервано новой революцией 1925–1927 гг. во главе с Гоминданом. Революция прошла по Китаю, и северный поход Чан Кайши привел к объединению страны. После 1928 г. наступил период некоторого порядка, но очень скоро, уже с 1931 г., он вновь сменился беспорядком, связанным с созданием коммунистического государства в Китае, а затем с войной 1937 г. против Японии, разрастающейся гражданской войной с коммунистами и др. Этот период продолжался до 1949 г., когда коммунисты победили в гражданской войне. Таким образом, с 1911 до 1949 г. мы наблюдаем в Китае длительную эпоху смут и революций.

Эпоха смут и революций характерна и для ряда других стран, например Ливии и особенно Афганистана; она едва закончилась (если закончилась) в Мьянме и Сомали; по сути, имеет место в северных регионах Мали и смежных областях Сахеля (где вначале действовали туарегские националисты, а теперь террористические революционные радикалы-исламисты [Кортаев, Бобарыкина, Хохлова 2021; Кортаев, Лиокумович, Хохлова 2021; Кортаев, Зинькина и др. 2021]), а также на Гаити.

Периоды контрреволюционных диктатур и контрреволюционных преобразований. Режим диктатуры может установиться в результате разных событий. Распространенным случаем будет

установление диктатуры в результате успешной революции, что мы видим, как правило, в результате социалистических революций. Фашистская диктатура Б. Муссолини в Италии возникла в результате победившей там национал-социалистической революции 1922–1926 г. Но революция (революционная эпоха или эпоха смут и революций) может завершиться и победой консервативных сил. В этом случае устанавливается правая диктатура, в рамках которой проводятся и преобразования. Они также обычно направлены на модернизацию страны.

В качестве примера мы приводили выше диктатуру Ф. Франко. Не столь яркий пример – близкая к фашистской диктатура Антониу ди Салазара в Португалии, пытавшегося создать корпоративное государство по примеру Муссолини. В Чили диктатура А. Пиночета установилась в результате контрреволюционного переворота 1973 г., который остановил развитие того, что можно назвать аналогом социалистической революции в Чили (аналогом, так как свергнутый президент С. Альенде пришел к власти законным путем). Преобразования А. Пиночета также имели характер модернизационных. К похожему типу можно отнести и периоды/преобразования в результате деятельности монархов, пришедших на гребне или в результате революций. В XIX в. таким был Наполеон III, в XX в. вышеупомянутый Реза Пехлеви провел ряд важных реформ в Персии (которую с его подачи стали во всем мире официально называть Ираном). Один из новейших примеров – контрреволюция (включившая в себя и военный переворот) в Египте в июне-июле 2013 г., которая случилась на гребне нового подъема египетской революции; она привела к фактическому возврату к дореволюционной ситуации: власти военных и военному положению, запрету исламистской, да и иной оппозиции (об этом перевороте см.: Исаев, Коротаев 2014; Коротаев, Исаев 2014; Grinin, Korotayev 2022). Но революционный процесс, по факту революционная эпоха, в Египте продолжается.

Таким образом, очень важно понимать, что контрреволюция (а) вовсе не означает отрицательной коннотации, как и термин революция он может означать позитивные и негативные изменения, вести страну к прогрессу или в тупик, означать улучшение качества жизни или ее ухудшение; (б) это один из возможных и весьма распространенных сценариев развития революционного процесса,

а если этот процесс удлиняется – то революционной эпохи. А поскольку контрреволюционный разворот часто происходит в результате вмешательства армии и военных переворотов, то это можно назвать *обратной куволуцией* (см. ниже).

Исходя из вышесказанного, стоит еще сделать дополнительную классификацию.

Типы революций по форме и силам, ее совершающим:

Гражданская революция (с двумя подвидами: гражданская мирная или в основном мирная и смешанная, когда военные становятся важной частью революции, но в виде перехода на сторону революции – как во время Февральской революции 1917 г.), *военная революция* (когда революцию начинают и ведут в основном профессиональные военные с опорой на поддержку населения), *революционная герилья* (военно-партизанская революция), *террористическая революция*⁹; *куволуция* (гражданская, завершающаяся военным переворотом [подробнее о куволуциях см.: Коротаев, Лиокумович, Хохлова 2021]) или *гражданско-военная революция*.

Материал о Фиджи дает целый ряд интересных примеров событий. В частности, события 2006 г. можно определить как военную революцию.

Куволуция – достаточно специфический тип революционных процессов, когда революционная массовая мобилизация на первой фазе сопровождается военным переворотом на второй фазе революционного процесса; при этом в ходе данного переворота реализуются многие требования участников первой фазы куволуционного процесса. Для обозначения военного переворота второй фазы куволуционного процесса предложено специальное обозначение – «эндшпильный переворот» (*endgame coup*) (Koehler, Albrecht 2021; подробнее о куволуциях см.: Коротаев, Лиокумович, Хохлова 2021)¹⁰.

⁹ Подобные события в отношении стран Сахеля описаны в: Гринин 2020б; Коротаев, Бобарыкина, Хохлова 2021; Коротаев, Лиокумович, Хохлова 2021; Коротаев, Зинькина и др. 2021.

¹⁰ Впервые, насколько нам известно, понятие «куволуция» (*coupvolution* или *coup-volution*, образовано от слов *coup* [«переворот»] и *revolution* [«революция»]) было применено для описаний событий 2011 г. в Египте (Toronto 2011; Sprinborg 2015; 2016). Но оно было, естественно, использовано и для описания египетских событий 2013 г. (см., например: Moll 2014). Этот термин был также

Обратной куволуцией можно назвать контрреволюционные выступления, которые завершаются военным переворотом. И такой случай описан на Мальдивах в 2012 г. В Египте революционная и контрреволюционная мобилизация совпали в одном событии, завершившемся военным переворотом.

Завершим комментарий следующими пояснениями. Многие современные революции получили название цветных. Среди описанных в настоящем разделе это Белоруссия, Македония, Мальдивы (где был «цветной» аналог революции в 2008 г.), а возможно, и события в Боливии в 2019 г., которые упомянуты в статье А. И. Павловой в данном выпуске Мониторинга. В прошлом выпуске ежегодника мы также говорили о подобных событиях в Гонконге (Кайгородова 2020).

Перед авторами ставилась задача определить, можно ли отнести события к цветным революционным событиям. В этом случае надо оценить события по критериям, данным для цветной революции. Цветная революция не является особым типом революции наряду с демократической, социальной или социалистической. Каждая из них может быть цветной. (По сути, СССР также устраивал цветные социалистические революции, где мог.) Но это важная характеристика, показывающая вмешательство извне; движущие силы революции; понимание ее логики, хода, лозунгов, ее возможности победить самостоятельно, поскольку шансы цветной революции на победу без поддержки извне резко уменьшаются.

Все революции, следовательно, в основном можно разделить на эндогенные и экзогенные. Цветная революция – экзогенная. Но далеко не каждая экзогенная революция является цветной.

Цветная революция – это революционное событие, которое происходит хотя и под влиянием внутреннего развития, кризиса, складывания революционной ситуации, оправданного недовольства правительством и т. п., но обязательно (а) при сильном кураторстве (обучении, разработке стратегии и тактики, разнообразной помощи, включая предоставление убежища, ресурсов, и т. п.) иностранных держав, политических сил или организаций, поддержива-

применен при анализе событий 2019 г. в Боливии (Cassell 2021). М. Р. Бейсинджер предложил называть так и события 2018–2019 гг. в Судане (Beissinger 2019). Но с такой оценкой событий в Египте и Боливии мы не вполне согласны.

емых извне; (б) безусловной поддержке со стороны иностранных сил революционных акций, независимо от действий революционеров путем дипломатического, информационного, иного (например, санкционного) давления на страну, в которой происходят революционные события; (в) в интересах иностранных союзников и кураторов революции: обязательно имеется стремление получить военно-стратегические, геополитические, экономические дивиденды¹¹, но при этом реальные последствия победы (или поражения) революции в конкретной стране, ее судьба, интересы ее населения в целом иностранных кураторов не интересуют, они к ним безразличны, а иногда даже заинтересованы в дезорганизации, коллапсе страны¹².

Шансы на победу цветной революции без поддержки извне резко уменьшаются. Поэтому такие революции Арабской весны, как тунисская, египетская, несмотря на помощь иностранных соцсетей и медиа, нельзя назвать цветными, они победили в целом самостоятельно. Революция в Ливии не смогла бы победить без иностранной помощи, но она тоже не являлось не цветной, а экспортной («на штыках», только вместо штыков уже действовала авиация) военной революцией, которой оказывали военную помощь. А цветные революции, как правило, мирные либо нацелены на мирное течение.

Кроме того, очень важным признаком цветной революции является то, что она, как правило, происходит в стране с гибридным режимом, где есть выборы, парламент, президент и т. п., существуют имитация демократии и некоторые свободы¹³. А в Ливии была типичная автократия революционного лидера М. Каддафи.

¹¹ Например, в Северной Македонии (Костин 2021) была типичная цветная революция, причиной активизации там революционных событий стало желание включить страну в НАТО.

¹² Например, Ливия, так как ни западные страны, ни страны Залива не были заинтересованы в наличии там твердой власти. Результат – развал страны и гражданская война.

¹³ Согласно Л. А. Митчеллу, «цветные революции не были случаями свержения диктатур массовыми народными движениями. Они менее драматично и лучше воспринимаются как революции в полудемократических режимах, которые со временем становились все более коррумпированными и слабыми, будучи свергнутыми в основном мирными демонстрантами, чтобы привести к власти альтернативных лидеров, которые когда-то были частью режима» (Mitchell 2022: 437).

Как правило, лозунгами таких цветных революций являются: а) демократизация страны, выборов и т. п.; б) отставка (свержение, уход и т. п.) автократа, который долго находится у власти¹⁴; в) обвинение власти в коррупции (как правило, полностью справедливое) и требование обновления; г) обвинение в подтасовке выборов (это наиболее частая причина и повод для революционных действий), требование признать победу лидера оппозиции (при этом оппозиция нацелена на то, чтобы требовать победы своего кандидата, еще до выборов, и даже если он действительно проиграл, никогда этого не признает)¹⁵; д) довольно частое требование – ориентация на Запад, разрыв с Россией и т. п. Их особенности: а) активное участие молодежи¹⁶; б) стремление к мирной победе; ж) наличие выразительного символа¹⁷.

В этом выпуске были выделены также новые типы революционных событий. В частности, в статье М. С. Костина о Македонии (Костин 2021) выделен *этнополитический* тип революции, когда в разделенной по этническому признаку стране резко усиливается проблема идентификации, то есть определения внешнеполитического курса. В какой-то мере это напоминает ситуацию на Украине в 2013 г., когда перед страной стоял выбор между ориентацией на Западную Европу или на Евразийский союз.

Библиография

Галлямова А. А. 2021. Джамму и Кашмир. Революционный эпизод / протесты против отмены автономии штата и особых статей в Конституции

¹⁴ Но не всегда. На Украине, скажем, в 2014 г. свергли законно (без нарушений) избранного и проводившего свой первый срок на посту президента Виктора Януковича.

¹⁵ В Белоруссии подсчитали голоса за С. Тихановскую задолго до выборов, и также до выборов фактически объявили ее победительницей (Клочкова 2021).

¹⁶ Согласно Л. А. Митчеллу, «одним из ключевых компонентов модели “цветной революции” была роль молодежных движений» (Mitchell 2022: 435). Но не всегда, на Украине в 2014 г. молодежные движения важной роли не играли.

¹⁷ Это могут быть самые разные предметы, символы: бульдозер (как в Сербии 2000 г.); цветок («революция роз» в Грузии 2003 г.), цвет («оранжевая революция» на Украине в 2004), зонтики (в Гонконге в 2014 г.). В Белоруссии пытались для этого использовать тапочки. Антиправительственные протестующие держали в руках домашние тапки в знак протеста против режима. Использование данного атрибута напрямую связано с ироничным прозвищем «Таракан», изначально полученным президентом Александром Лукашенко от Сергея Тихановского и позже подхваченным массами (Клочкова 2021).

- в 2019 году. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 12. *Революционные процессы в афразийской макроне нестабильности и их глобальный контекст* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 615–626.
- Голдстоун Дж. А. 2006.** К теории революции четвертого поколения. *Логос* 5(56): 58–103.
- Голдстоун Дж. А. 2015.** *Революции. Очень краткое введение*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Гринин Л. Е. 2020а.** О возможности революционной ситуации в США. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11 / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 33–49.
- Гринин Л. Е. 2020б.** Радикальный исламизм, религиозный фактор и дестабилизация в странах афразийской макроне нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11 / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 810–828.
- Гринин Л. Е. 2020в.** Исламизм, радикализм, постисламизм в их отношении к светским режимам и государственной идеологии. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11 / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 829–853.
- Гринин Л. Е. 2021.** Новая волна революционных процессов в афразийской макроне нестабильности и ее влияние на смежные мир-системные зоны. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 12: *Революционные процессы в афразийской макроне нестабильности и их глобальный контекст* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 70–89.
- Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2020.** Революции XX века: теоретический и количественный анализ. *Полис. Политические исследования* 5: 130–147.
- Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021.** Революции XX века: общие причины и классификация. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 12: *Революционные процессы в афразийской макроне нестабильности и их глобальный контекст* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 36–69.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2019.** *Исламизм и его роль в современном исламском обществе*. М.: Учитель.

- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2020.** Методологические пояснения к исследованию революционных событий. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11 / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 854–861.
- Гусейнов Р. И. 2021.** Революционные и квазиреволюционные события в Закавказье (2020–2021 гг.). *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 12. *Революционные процессы в афразийской макроне нестабильности и их глобальный контекст* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 603–614.
- Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2014.** Египетский переворот 2013 года: опыт эконометрического анализа. *Азия и Африка сегодня* 2: 14–20.
- Кайгородова М. Е. 2020.** К вопросу о революционных событиях XXI в. в странах Азии. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11 / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 899–918.
- Кайгородова М. Е. 2021а.** Революционные события в Мальдивской Республике в XXI веке: предпосылки, хронология, последствия. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 12. *Революционные процессы в афразийской макроне нестабильности и их глобальный контекст* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 682–695.
- Кайгородова М. Е. 2021б.** Революционные и квазиреволюционные события XXI века на Фиджи. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 12. *Революционные процессы в афразийской макроне нестабильности и их глобальный контекст* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 672–681.
- Клочкова И. П. 2021.** Белорусская революция 2020–2021 гг. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 12. *Революционные процессы в афразийской макроне нестабильности и их глобальный контекст* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 588–602.
- Коротаев А. В., Бобарыкина Д. А., Хохлова А. А. 2021.** Революционные события в Верхней Вольте / Буркина-Фасо (1960–2021 гг.). *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 12. *Революционные процессы в афразийской макроне нестабильности и их глобальный контекст* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 329–370.

- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В., Хохлова А. А., Лиокумович Я. Б. 2021.** Революционные и квазиреволюционные процессы в Нигере. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 12. Революционные процессы в африканской макроне нестабильности и их глобальный контекст* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 416–450.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М. 2014.** Анатомия египетской контрреволюции. *Мировая экономика и международные отношения* 8: 91–100.
- Коротаев А. В., Лиокумович Я. Б., Хохлова А. А. 2021.** Революционные события в Мали (1960–2021 гг.). *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 12. Революционные процессы в африканской макроне нестабильности и их глобальный контекст* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 329–370.
- Костин М. С. 2020а.** Венесуэла: революционные события на фоне продолжающейся революционной эпохи (1998–2020). *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 878–890.
- Костин М. С. 2020б.** «Укусная революция» 2013–2016 годов в Бразилии. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 891–898.
- Костин М. С. 2021.** «Красочная революция» 2015–2016 гг. в Северной Македонии. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 12. Революционные процессы в африканской макроне нестабильности и их глобальный контекст* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 568–587.
- Павлова А. И. 2021.** Революционный эпизод в Боливии (июль – ноябрь 2020 г.) в ретроспективе революционной эпохи. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 12. Революционные процессы в африканской макроне нестабильности и их глобальный контекст* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 654–671.
- Степанищева Я. В. 2021.** Выступления за восстановление монархии в Непале (декабрь 2020 – январь 2021 гг.). *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 12. Революционные процессы в африканской макроне нестабильности и их глобальный контекст* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 627–637.

- Тилли Ч. 2019.** *От мобилизации к революции*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Устюжанин В. В., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2021.** Революционные события XXI века в афразийской макроне нестабильности и некоторых других мир-системных зонах: предварительный количественный анализ. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 12. *Революционные процессы в афразийской макроне нестабильности и их глобальный контекст* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 106–144.
- Beck C. J. 2011.** The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves: Five Centuries of European Contention. *Social Science History* 35(2): 167–207. URL: <https://doi.org/10.1017/S0145553200011482>.
- Beissinger M. R. 2019.** Personal Communication of 26 October 2019.
- Cassell K. J. 2021.** *Representation in the Americas: Perceptions of External Efficacy in the 2018/19*. Nashville, TN: Vanderbilt University.
- Filin N., Fahmy S., Khodunov A., Koklikov V. 2022.** Two Experiences of Islamic “Revival”: The 1979 Islamic Revolution in Iran and the Formation of the “Islamic State” in Syria and Iraq in the 2010s. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* / Ed. by J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham: Springer. Pp. 813–849. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_33.
- Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. 2022.** Introduction. Changing yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* / Ed. by J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham: Springer. Pp. 1–33. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_1.
- Grinin L. 2022.** On Revolutionary Situations, Stages of Revolution, and Some Other Aspects of the Theory of Revolution. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* / Ed. by J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham: Springer. Pp. 69–104. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_3.
- Grinin L., Grinin A. 2022.** Revolutionary Waves and Lines of the 20th Century. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* / Ed. by J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham: Springer. Pp. 315–388. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_12.

- Grinin L., Korotayev A. 2022.** Revolutions, Counterrevolutions, and Democracy. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* / Ed. by J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham: Springer. Pp. 105–136. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_4.
- Koehler K., Albrecht H. 2021.** Revolutions and the Military: Endgame Coups, Instability, and Prospects for Democracy. *Armed Forces & Society* 47(1): 148–176.
- Mitchell L. A. 2022.** The Color Revolutions. Successes and Limitations of Non-violent Protest. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* / Ed. by J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham: Springer. Pp. 105–138. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_12.
- Moll Y. 2014.** The Wretched Revolution. *Middle East Report* 273: 34–39.
- Springborg R. 2015.** *President Sisi's Delegative Authoritarianism*. Rome: Istituto affari internazionali.
- Springborg R. 2016.** Caudillismo along the Nile. *The International Spectator* 51(1): 74–85.
- Tilly C. 1996.** *European Revolutions: 1492–1992*. Chichester: Wiley-Blackwell.
- Toronto N. W. 2011.** Egypt's "Coup-volution". *Middle East Insights* 6: 7–12.